

Е. И. Казакова¹

О НЕКОТОРЫХ ПАРАДОКСАХ СЕГОДНЯШНЕГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Позволю себе напомнить несколько тезисов, которые мне кажутся чрезвычайно актуальными. В одной из работ С. Г. Вершловского показано, что школа перестала быть главным звеном в системе образования. Если традиционно старшеклассник именно школу считал тем местом, где он получает образование, то сегодня школа в сознании ребенка смещается на обочину. «Реальное образование, — говорит петербургский старшеклассник, — я получаю в семье, на подготовительных курсах, в клубном сообществе, в партнерском объединении и еще где-то». Сегодня это мировая практика: школа в образовательном пространстве перестает быть основным системообразующим звеном. Думаю, что это повод для глубокого размышления.

Второй тезис связан с культурой как источником и способом построения разных моделей развития школы. Сегодня принципиально меняется представление об источнике образования. Действительно, хорошее образование, похоже, определяется по очень простому критерию. Сколько реальных, аутентичных, подлинных источников в той или иной степени осмыслено, прочувствовано и дало возможность ребенку породить новый источник, собственный текст?

¹ Профессор кафедры непрерывного филологического образования и образовательного менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, директор Школы им. А. М. Горчакова, доктор педагогических наук.

Под источником образования мы понимаем не только классический текст. Мы прекрасно понимаем, что сегодня музыка, например, гораздо больше влияет на молодежь, чем любые вербальные структуры. То есть текстом сегодня могут служить самые различные явления.

Третий тезис. Когда мы говорим о школе как образе жизни, важно понимать, что школа у нас очень разная, и стараться быть терпимыми, открыто признавать многие проблемы. Мы обсуждаем сложные вещи, но образование связано в первую очередь с тем, что человек должен уметь читать, писать, считать, общаться и каким-то образом реализовывать себя в жизни. Это довольно простая модель.

Когда мы начали исследовать, что и как читают наши дети, то выяснили, что дети-то как раз читают, особенно в начальной школе. Учителя не читают! Не читают до такой степени, что когда перед ними стоит задача найти красивый текст, который можно было бы прочитать с детьми, текст, берущий за душу, радующий, заставляющий сомневаться, они не могут его подобрать. Я не говорю сейчас об учителях литературы и начальной школы. Я про своего брата математика, учителя физики, химии. Оказалось, что текст заменен методическим потоком, псевдотекстом, каковым я считаю многие виды учебной литературы. И это создает очень серьезную проблему.

Диагностические исследования, которые мы провели уже в 14 регионах России, показали, что на уроке очень редко появляются текст, книга, подлинный источник. Лишь 15–20 % детей говорят, что им приходилось читать на уроке что-либо аутентичное. Второй невероятный результат: когда мы спрашивали детей, в какой мере прочитанное ими за рамками учебника влияло на полученные оценки, они отвечали: «Ни в какой!» Их оценки никак не зависят от того, много или мало они читают, размышляют о жизни.

Еще два примера. Мы привыкли думать, что наша школа способна на что-то фантастическое. Это первый миф. Второй — о нашем замечательном, очень трудолюбивом учителе. Я участвовала в исследовании под названием «Нормирование труда учителя». Это серьезное экономическое исследование, не лишнее, однако, курьеза. Мы попросили учителей оценить, сколько часов в неделю они работают — ведь, как известно, наш учитель получает мало, а работает много. И что получилось? Опрос очень большого количества педагогов показал, что 5 % из них работают по 280 ч в неделю и больше. В представлении учителя он работает раз в 5 или 10 больше, чем это действительно происходит. С точки зрения экономистов, это означает, что труд людей так плохо организован, что у педагога просто нет адекватного учета собственного времени, пропадает ощущение реальности. К сожалению, школьный образ жизни сегодня сильно осложнен стремлением сделать школу ответственной за все, и это приводит к чудовищным перегрузкам, нередко при недостаточной эффективности.

И последний тезис. Здесь уже упоминалось о мигрантах. Сегодня модно говорить о толерантности, и мне довелось принять участие в одноименном проекте. В рамках проекта «Толерантность» мы предложили две ключевые идеи: перестать бороться против чего-то и начать что-то поддерживать. Например, воспринимать многообразие как позитивный фактор, а не стремиться нивелировать его. И попытаться взрослым и детям действовать совместно, реализуя какие-то проекты, что сделает наш мир не только более терпимым, но и дру-

желюбным, открытым, свободным, радующимся многообразию. То есть необходимо ориентироваться на позитивные ценности. Но мы столкнулись с неожиданной проблемой. Для нас бороться более естественно, чем утверждать что-то. Борьба с интолерантностью оказалась более понятным и привычным делом. Кроме того, выяснилось, что мы утратили культуру совместной деятельности с детьми, совместного бытия, получения удовольствия от того, что старшие и младшие что-то делают вместе. Это тоже проблема, которую, видимо, надо решать.

В последние 15 лет я преподаю математику в школе. Я люблю свою школу — она замечательная, и дети в ней учатся очень хорошие. Между тем уважаемые коллеги вызывают у меня два чувства. Во-первых, жалость — от того, что они чувствуют себя несчастными, неудачниками и т. д. Во-вторых, злость: что же они такие жалкие, убогие — ведь профессия-то у них счастливая! Я не уйду из этой профессии только по одной причине — это для меня чистая энергетика, фантастическое удовольствие. А для многих других педагогов, наоборот, мучение. Как это преодолеть?

Можно, конечно, попытаться как-то повлиять на учителей, изменить школьный образ жизни, но это сделать очень трудно.

Главное, на мой взгляд, — постараться понять, что школа — большая и очень сложная культура. Если мы хотим, чтобы наши дети выросли открытыми, свободными, дружелюбными, любопытными и так далее, то все, что мы можем сделать, — проявлять уважение к их учителям, у которых недостатков иногда больше, чем у их учеников. Ведь сегодняшним детям легче, чем было нам. В отличие от нас, они растут и взрослеют в открытом мире. Их учителя получали образование в другой стране, в более жесткой среде, с ними обходились намного строже.

В заключение прочту стихотворение:

Мы что-нибудь еще да значим,
В нас дух открытий не угас.
И разговором до утра
Мы дружбу нашу обозначим.

* * *

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Продолжаем беседу. Обсудим те темы, которые уже затронуты. Что собой представляет образ жизни школы, как его поменять, каковы возможности влияния, какие новые проблемы мы здесь видим?

Т. УСЫЕВЛЕВА¹: — Я выскажусь по проблеме мигрантов и толерантности. Мы часто слышим, что нам не нужны западные идеи. Но иммиграция в Европу идет уже много десятилетий, и мы видим, какие там в связи с этим возникают проблемы. Теперь с этим явлением столкнулась и Россия. И если в нашей стране не будет воспитано терпимого, дружелюбного отношения к людям иной культуры, то последствия могут быть такими же, как на Западе.

Приведу пример города Набережные Челны. В Советском Союзе он был комсомольской стройкой, куда приезжали люди из разных республик.

И у них оказалась потеряна национальная идентичность, утрачены родные языки, связи с национальными культурами. В нашей школе дети называют себя только русскими или татарами, хотя среди них есть чуваша, марийцы и представители многих других национальностей.

Однако в Набережных Челнах очень много национальных общин, которые сохраняют свои культуры, организуют воскресные школы. И мы начали приглашать детей из этих национальных общин к нашим ученикам, которые имеют другую национальность. Дети приходили к нам в течение всего года, и они не только пели и танцевали вместе, но и обсуждали различные проблемы. Я приглашала только детей, но оказалось, что это очень важно и для взрослых. Мы намерены продолжить эту программу — по многочисленным просьбам участников.

¹ Педагог (Набережные Челны).